

> МАГИСТРАЛЬ >

ДАНИЕЛЬ ДЕФО

Робинзон Крузо



Москва
2024

УДК 821.111-93
ББК 84(4Вел)-44
Д39

Пересказ с английского *Корнея Чуковского*

Художественное оформление серии
Анастасии Зининой

Дефо, Даниель.
Д39 Робинзон Крузо / Даниель Дефо ; [перевод с английского К. Чуковского]. — Москва : Эксмо, 2024. — 256 с. — (Магистраль. Дети).

ISBN 978-5-04-200899-3

Подросток бредил морем, странствиями, свободой. Родители категорически не одобряли мечты мальчика. Он сбежал из дома при первом случае, обрек себя на тяжелую ношу взросления среди сурового моря и чужих людей. Судьба любит испытывать таких смельчаков. Повзрослевшего молодого человека кораблекрушение оставляет одного на необитаемом острове. Там он проведет большую часть своей жизни. Его заботами были: выживание, выстраивание быта с нуля, сохранение рассудка в одиночестве, ежедневные испытания духа, смекалки и физической силы.

УДК 821.111-93
ББК 84(4Вел)-44

© Чуковский К., пересказ на русский язык.
Наследники, 2024

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-200899-3

Глава 1

СЕМЬЯ РОБИНЗОНА. — ЕГО ПОБЕГ ИЗ РОДИТЕЛЬСКОГО ДОМА

С самого раннего детства я больше всего на свете любил море. Я завидовал каждому матросу, отправлявшемуся в дальнее плавание. По целым часам я простаивал на морском берегу и, не отрывая глаз, рассматривал корабли, проходившие мимо.

Моим родителям это очень не нравилось. Отец, старый, больной человек, хотел, чтобы я сделался важным чиновником, служил в королевском суде и получал большое жалованье. Но я мечтал о морских путешествиях. Мне казалось величайшим счастьем скитаться по морям и океанам.

Отец догадывался, что у меня на уме. Однажды он позвал меня к себе и сердито сказал:

— Я знаю: ты хочешь бежать из родного дома. Это безумно. Ты должен остаться. Если ты останешься, я буду тебе добрым отцом, но горе тебе, если ты убежишь! — Тут голос у него задрожал, и он тихо прибавил: — Подумай о больной матери... Она не вынесет разлуки с тобою.

В глазах у него блеснули слезы. Он любил меня и хотел мне добра.

Мне стало жаль старика, я твердо решил остаться в родительском доме и не думать более о морских путешествиях. Но — увы! — прошло несколько дней, и от моих добрых намерений ничего не осталось. Меня опять потянуло к морским берегам. Мне



стали сниться мачты, волны, паруса, чайки, неизвестные страны, огни маяков.

Через две-три недели после моего разговора с отцом я все же решил убежать. Выбрав время, когда мать была весела и спокойна, я подошел к ней и почтительно сказал:

— Мне уже восемнадцать лет, а в эти годы поздно учиться судейскому делу. Если бы даже я и поступил куда-нибудь на службу, я все равно через несколько дней убежал бы в далекие страны. Мне так хочется видеть чужие края, побывать и в Африке, и в Азии! Если я и пристроюсь к какому-нибудь делу, у меня все равно не хватит терпения довести его до конца. Прошу вас, уговорите отца отпустить меня в море хотя бы на короткое время, для пробы; если жизнь моряка не понравится мне, я вернусь домой и больше никуда не уеду. Пусть отец отпустит меня добровольно, так как иначе я буду вынужден уйти из дому без его разрешения.

Мать очень рассердилась на меня и сказала:

— Удивляюсь, как можешь ты думать о морских путешествиях после твоего разговора с отцом! Ведь

отец требовал, чтобы ты раз и навсегда позабыл о чужих краях. А он лучше тебя понимает, каким делом тебе заниматься. Конечно, если ты хочешь себя погубить, уезжай хоть сию минуту, но можешь быть уверен, что мы с отцом никогда не дадим согласия на твоё путешествие. И напрасно ты надеялся, что я стану тебе помогать. Нет, я ни слова не скажу отцу о твоих бессмысленных мечтах. Я не хочу, чтобы впоследствии, когда жизнь на море доведет тебя до нужды и страданий, ты мог упрекнуть свою мать в том, что она потакала тебе.

Потом, через много лет, я узнал, что матушка все же передала отцу весь наш разговор, от слова до слова. Отец был опечален и сказал ей со вздохом:

— Не понимаю, чего ему нужно? На родине он мог бы без труда добиться успеха и счастья. Мы люди небогатые, но кое-какие средства у нас есть. Он может жить вместе с нами, ни в чем не нуждаясь. Если же он пустится странствовать, он испытает тяжкие невзгоды и пожалеет, что не послушался отца. Нет, я не могу отпустить его в море. Вдали от родины он будет одинок, и, если с ним случится беда, у него не найдется друга, который мог бы утешить его. И тогда он раскается в своем безрассудстве, но будет поздно!

И все же через несколько месяцев я бежал из родного дома. Произошло это так. Однажды я поехал на несколько дней в город Гульль. Там я встретил одного приятеля, который собирался отправиться в Лондон на корабле своего отца. Он стал уговаривать меня ехать вместе с ним, соблазняя тем, что проезд на корабле будет бесплатный.

И вот, не спросившись ни у отца, ни у матери, — в недобрый час! — 1 сентября 1651 года я на девятнадцатом году жизни сел на корабль, отправлявшийся в Лондон.

Это был дурной поступок: я бессовестно покинул престарелых родителей, пренебрег их советами и нарушил сыновний долг. И мне очень скоро пришлось раскаяться в том, что я сделал.

Глава 2

ПЕРВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА МОРЕ

Не успел наш корабль выйти из устья Хамбера, как с севера подул холодный ветер. Небо покрылось тучами. Началась сильнейшая качка.

Я никогда еще не бывал в море, и мне стало худо. Голова у меня закружилась, ноги задрожали, меня затошнило, я чуть не упал. Всякий раз, когда на корабль налетала большая волна, мне казалось, что мы сию минуту утонем. Всякий раз, когда корабль падал с высокого гребня волны, я был уверен, что ему уже никогда не подняться.

Тысячу раз я клялся, что, если останусь жив, если нога моя снова ступит на твердую землю, я тотчас же вернусь домой к отцу и никогда за всю жизнь не взойду больше на палубу корабля.

Этих благоразумных мыслей хватило у меня лишь на то время, пока бушевала буря.

Но ветер стих, волнение улеглось, и мне стало гораздо легче. Понемногу я начал привыкать к морю. Правда, я еще не совсем отделался от морской болезни, но к концу дня погода прояснилась, ветер совсем утих, наступил восхитительный вечер.

Всю ночь я проспал крепким сном. На другой день небо было такое же ясное. Тихое море при полном безветрии, все озаренное солнцем, представляло такую прекрасную картину, какой я еще никогда не видал. От моей морской болезни не осталось и следа. Я сразу успокоился, и мне стало весело.

С удивлением я оглядывал море, которое еще вчера казалось буйным, жестоким и грозным, а сегодня было такое кроткое, ласковое.

Тут, как нарочно, подходит ко мне мой приятель, соблазнивший меня ехать вместе с ним, хлопает по плечу и говорит:

— Ну, как ты себя чувствуешь, Боб? Держу пари, что тебе было страшно. Признавайся: ведь ты очень испугался вчера, когда подул ветерок?

— Ветерок? Хорош ветерок! Это был бешеный шквал. Я и представить себе не мог такой ужасной бури!

— Бури? Ах ты глупец! По-твоему, это буря? Ну да ты в море еще новичок: немудрено, что испугался... Пойдем-ка лучше да прикажем подать себе пуншу, выпьем по стакану и позабудем о буре. Взгляни, какой ясный день! Чудесная погода, не правда ли?

Чтобы сократить эту горестную часть моей повести, скажу только, что дело пошло, как обыкновенно у моряков: я напился пьян и утопил в вине все свои обещания и клятвы, все свои похвальные мысли о немедленном возвращении домой. Как только наступил штиль и я перестал бояться, что волны проглотят меня, я тотчас же позабыл все свои благие намерения.

На шестой день мы увидели вдали город Ярмут. Ветер после бури был встречный, так что мы очень медленно продвигались вперед. В Ярмуте нам пришлось бросить якорь. Мы простояли в ожидании попутного ветра семь или восемь дней.

В течение этого времени сюда же пришло много судов из Ньюкасла. Мы, впрочем, не простояли бы так долго и вошли бы в реку вместе с приливом, но ветер становился все свежее, а дней через пять задул изо всех сил.

Так как на нашем корабле якоря и якорные канаты были крепкие, наши матросы не выказывали ни малейшей тревоги. Они были уверены, что судно находится в полной безопасности, и, по обычаю матросов, отдавали все свое свободное время веселым развлечениям и забавам.

Однако на девятый день к утру ветер еще посвежел, и вскоре разыгрался страшный шторм. Даже испытанные моряки были сильно испуганы. Я несколько раз слышал, как наш капитан, проходя мимо меня то в каюту, то из каюты, бормотал вполголоса: «Мы пропали! Мы пропали! Конец!»

Все же он не терял головы, зорко наблюдал за работой матросов и принимал все меры, чтобы спасти свой корабль.

До сих пор я не испытывал страха: я был уверен, что эта буря так же благополучно пройдет, как и первая. Но когда сам капитан заявил, что всем нам пришел конец, я страшно испугался и выбежал из каюты на палубу. Никогда в жизни не приходилось мне видеть столь ужасное зрелище. По морю, словно высокие горы, ходили громадные волны, и каждые три-четыре минуты на нас обрушивалась такая гора.

Сперва я оцепенел от испуга и не мог смотреть по сторонам. Когда же наконец я осмелился глянуть назад, я понял, какое бедствие разразилось над нами. На двух тяжело груженных судах, которые стояли тут же неподалеку на якоре, матросы рубили мачты, чтобы корабли хоть немного освободились от тяжести.

Кто-то крикнул отчаянным голосом, что корабль, стоявший впереди, в полумиле от нас, сию минуту исчез под водой.

Еще два судна сорвались с якорей, буря унесла их в открытое море. Что ожидало их там? Все их мачты были сбиты ураганом.

Мелкие суда держались лучше, но некоторым из них тоже пришлось пострадать: два-три суденышка пронесло мимо наших бортов прямо в открытое море.

Вечером штурман и боцман пришли к капитану и заявили ему, что для спасения судна необходимо срубить фок-мачту¹.

— Медлить нельзя ни минуты! — сказали они. — Прикажете, и мы срубим ее.

— Подождем еще немного, — возразил капитан. — Может быть, буря уляжется.

Ему очень не хотелось рубить мачту, но боцман стал доказывать, что, если мачту оставить, корабль пойдет ко дну, — и капитан поневоле согласился.

А когда срубили фок-мачту, грот-мачта² стала так сильно качаться и раскачивать судно, что пришлось срубить и ее.

Наступила ночь, и вдруг один из матросов, спускавшийся в трюм, закричал, что судно дало течь. В трюм послали другого матроса, и он доложил, что вода поднялась уже на четыре фута³.

Тогда капитан скомандовал:

— Выкачивай воду! Все к помпам!⁴

Когда я услышал эту команду, у меня от ужаса замерло сердце: мне показалось, что я умираю, ноги мои подкосились, и я упал навзничь на койку. Но матросы растолкали меня и потребовали, чтобы я не отлынивал от работы.

— Довольно ты бездельничал, пора и потрудиться! — сказали они.

Нечего делать, я подошел к помпе и принялся усердно выкачивать воду.

¹ Фок-мачта — передняя мачта.

² Грот-мачта — средняя мачта.

³ Фут — английская мера длины, около трети метра.

⁴ П о м п а — насос для выкачивания воды.

В это время мелкие грузовые суда, которые не могли устоять против ветра, подняли якоря и вышли в открытое море.

Увидев их, наш капитан приказал выпалить из пушки, чтобы дать им знать, что мы находимся в смертельной опасности. Услышав пушечный залп и не понимая, в чем дело, я вообразил, что наше судно разбилось. Мне стало так страшно, что я лишился чувств и упал. Но в ту пору каждый заботился о спасении своей собственной жизни, и на меня не обратили внимания. Никто не поинтересовался узнать, что случилось со мной. Один из матросов стал к помпе на мое место, отодвинув меня ногою. Все были уверены, что я уже мертв. Так я пролежал очень долго. Очнувшись, я снова взялся за работу. Мы трудились не покладая рук, но вода в трюме поднималась все выше.

Было очевидно, что судно должно затонуть. Правда, шторм начинал понемногу стихать, но для нас не предвиделось ни малейшей возможности продержаться на воде до той поры, пока мы войдем в гавань. Поэтому капитан не переставал палить из пушек, надеясь, что кто-нибудь спасет нас от гибели.

Наконец ближайшее к нам небольшое судно рискнуло спустить шлюпку, чтобы подать нам помощь. Шлюпку каждую минуту могло опрокинуть, но она все же приблизилась к нам. Увы, мы не могли попасть в нее, так как не было никакой возможности причалить к нашему кораблю, хотя люди гребли изо всех сил, рискуя своей жизнью для спасения нашей. Мы бросили им канат. Им долго не удавалось поймать его, так как буря относила его в сторону. Но, к счастью, один из смельчаков изловчился и после многих неудачных попыток схватил канат за самый конец. Тогда мы подтянули шлюпку под нашу корму и все до одного спустились в нее. Мы хотели было добраться до их корабля, но не мо-

гли сопротивляться волнам, а волны несли нас к берегу. Оказалось, что только в этом направлении и можно грести.

Не прошло и четверти часа, как наш корабль стал погружаться в воду.

Волны, швырявшие нашу шлюпку, были так высоки, что из-за них мы не видели берега. Лишь в самое короткое мгновение, когда нашу шлюпку подбрасывало на гребень волны, мы могли видеть, что на берегу собралась большая толпа: люди бегали взад и вперед, готовясь подать нам помощь, когда мы подойдем ближе. Но мы подвигались к берегу очень медленно.

Только к вечеру удалось нам выбраться на сушу, да и то с величайшими трудностями.

В Ярмут нам пришлось идти пешком. Там нас ожидала радушная встреча: жители города, уже знавшие о нашем несчастье, отвели нам хорошие жилища, угостили отличным обедом и снабдили нас деньгами, чтобы мы могли добраться куда захотим, — до Лондона или до Гулля.

Неподалеку от Гулля был Йорк, где жили мои родители, и, конечно, мне следовало вернуться к ним. Они простили бы мне самовольный побег, и все мы были бы так счастливы!

Но безумная мечта о морских приключениях не покидала меня и теперь. Хотя трезвый голос рассудка говорил мне, что в море меня ждут новые опасности и беды, я снова стал думать о том, как бы мне попасть на корабль и объездить по морям и океанам весь свет.

Мой приятель (тот самый, отцу которого принадлежало погибшее судно) был теперь угрюм и печален. Случившееся бедствие угнетало его. Он познакомил меня со своим отцом, который тоже не переставал горевать об утонувшем корабле. Узнав

от сына о моей страсти к морским путешествиям, старик сурово взглянул на меня и сказал:

— Молодой человек, вам никогда больше не следует пускаться в море. Я слышал, что вы трусливы, избалованы и падаете духом при малейшей опасности. Такие люди не годятся в моряки. Вернитесь скорее домой и примиритесь с родными. Вы сами на себе испытали, как опасно путешествовать по морю.

Я чувствовал, что он прав, и не мог ничего возразить. Но все же я не вернулся домой, так как мне было стыдно показаться на глаза моим близким. Мне чудилось, что все наши соседи будут издеваться надо мной; я был уверен, что мои неудачи сделают меня посмешищем всех друзей и знакомых.

Впоследствии я часто замечал, что люди, особенно в молодости, считают зазорными не те бессовестные поступки, за которые мы зовем их глупцами, а те добрые и благородные дела, что совершаются ими в минуты раскаяния, хотя только за эти дела и можно называть их разумными. Таким был и я в ту пору. Воспоминания о бедствиях, испытанных мною во время кораблекрушения, мало-помалу изгладились, и я, прожив в Ярмуте две-три недели, поехал не в Гулль, а в Лондон.

Глава 3

РОБИНЗОН ПОПАДАЕТ В ПЛЕН. — БЕГСТВО

Большим моим несчастьем было то, что во время всех моих приключений я не поступил на корабль матросом. Правда, мне пришлось бы работать больше, чем я привык, зато в конце концов я научился бы мореходному делу и мог бы со временем сделать

ся штурманом, а пожалуй, и капитаном. Но в ту пору я был так неразумен, что из всех путей всегда выбирал самый худший. Так как в то время у меня была щегольская одежда и в кармане водились деньги, я всегда являлся на корабль праздным шалопаем: ничего там не делал и ничему не учился.

Юные сорванцы и бездельники обычно попадают в дурную компанию и в самое короткое время окончательно сбиваются с пути. Такая же участь ждала и меня, но, к счастью, по приезде в Лондон мне удалось познакомиться с почтенным пожилым капитаном, который принял во мне большое участие. Незадолго перед тем он ходил на своем корабле к берегам Африки, в Гвинею. Это путешествие дало ему немалую прибыль, и теперь он собирался снова отправиться в те же края.

Я понравился ему, так как был в ту пору недурным собеседником. Он часто проводил со мною свободное время и, узнав, что я желаю увидеть заморские страны, предложил мне пуститься в плавание на его корабле.

— Вам это ничего не будет стоить, — сказал он, — я не возьму с вас денег ни за проезд, ни за еду. Вы будете на корабле моим гостем. Если же вы захватите с собой какие-нибудь вещи и вам удастся очень выгодно сбыть их в Гвинее, вы получите целиком всю прибыль. Попытайте счастья — может быть, вам и повезет.

Так как этот капитан пользовался общим доверием, я охотно принял его приглашение.

Отправляясь в Гвинею, я захватил с собой кое-какого товару: закупил на сорок фунтов стерлингов¹ различных побрякушек и стеклянных изделий, находивших хороший сбыт у дикарей.

¹ Фунт стерлингов — английские деньги; около десяти рублей золотом.

Эти сорок фунтов я добыл при содействии близких родственников, с которыми состоял в переписке: я сообщил им, что собираюсь заняться торговлей, и они уговорили мою мать, а быть может, отца помочь мне хоть незначительной суммой в первом моем предприятии.

Эта поездка в Африку была, можно сказать, моим единственным удачным путешествием. Конечно, своей удачей я был всецело обязан бескорыстию и доброте капитана.

Во время пути он занимался со мной математикой и учил меня корабельному делу. Ему доставляло удовольствие делиться со мной своим опытом, а мне — слушать его и учиться у него.

Путешествие сделало меня и моряком, и купцом: я выменял на свои побрякушки пять фунтов и девять унций¹ золотого песку, за который по возвращении в Лондон получил изрядную сумму.

Итак, я мог считать себя богатым промышленником, ведущим успешно торговлю с Гвинеей.

Но, на мое несчастье, мой друг капитан вскоре по возвращении в Англию умер, и мне пришлось совершить второе путешествие на свой страх, без дружеского совета и помощи.

Я отплыл из Англии на том же корабле. Это было самое несчастное путешествие, какое когда-либо предпринимал человек.

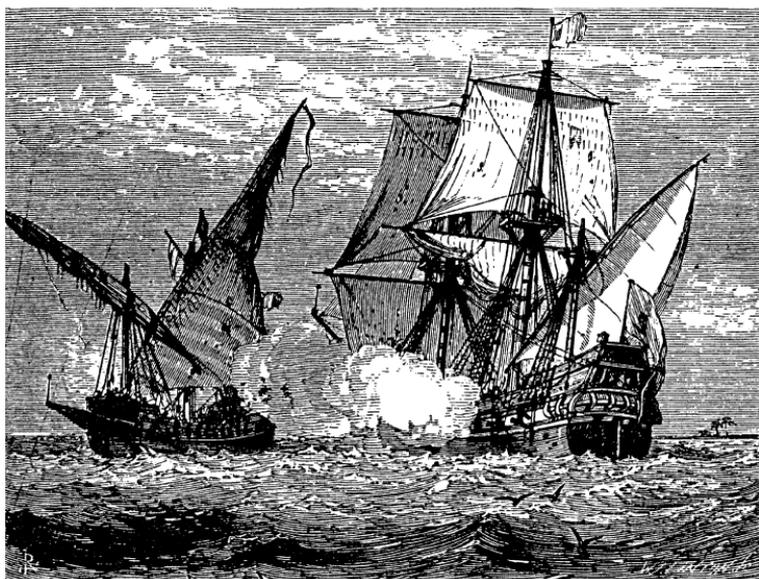
Однажды на рассвете, когда мы после долгого плавания шли между Канарскими островами и Африкой, на нас напали пираты — морские разбойники. Это были турки из Салеха. Они издали заметили нас и на всех парусах пустились за нами вдогонку.

Сначала мы надеялись, что нам удастся спастись от них бегством, и тоже подняли все паруса. Но вскоре стало ясно, что через пять-шесть часов они непременно догонят нас. Мы поняли, что нужно го-

¹ То есть около двух с половиной килограммов.

товиться к бою. У нас было двенадцать пушек, а у врага — восемнадцать.

Около трех часов пополудни разбойничий корабль догнал нас, но пираты сделали большую ошибку: вместо того чтобы подойти к нам с кормы, они подошли с левого борта, где у нас было восемь пушек. Воспользовавшись их ошибкой, мы навели на них все эти пушки и дали залп.



Турок было не меньше двухсот человек, поэтому они ответили на нашу пальбу не только пушечным, но и оружейным залпом из двух сотен ружей.

К счастью, у нас никого не задело, все остались целы и невредимы. После этой схватки пиратское судно отошло на полмили¹ и стало готовиться к новому нападению. Мы же, со своей стороны, приготовились к новой защите.

¹ Милья морская равна 1852 метрам, сухопутная — 1609 метрам.

На этот раз враги подошли к нам с другого борта и взяли нас на абордаж, то есть зацепились за наш борт баграми; человек шестьдесят ворвались на палубу и первым делом бросились рубить мачты и снасти.

Мы встретили их ружейной стрельбой и дважды очищали от них палубу, но все же принуждены были сдаться, так как наш корабль уже не годился для дальнейшего плавания. Трое из наших людей были убиты, восемь человек ранены. Нас отвезли в качестве пленников в морской порт Салех, принадлежавший маврам¹.

Других англичан отправили в глубь страны, ко двору жестокого султана, а меня капитан разбойничьего судна удержал при себе и сделал своим рабом, потому что я был молод и проворен.

Я горько заплакал: мне вспомнилось предсказание отца, что рано или поздно со мной случится беда и никто не придет мне на помощь. Я думал, что именно меня и постигла такая беда. Увы, я не подозревал, что меня ждали впереди еще более тяжелые беды.

Так как мой новый господин, капитан разбойничьего судна, оставил меня при себе, я надеялся, что, когда он снова отправится грабить морские суда, он возьмет с собою и меня. Я был твердо уверен, что в конце концов он попадет в плен какому-нибудь испанскому или португальскому военному кораблю и тогда мне возвратят свободу.

Но скоро я понял, что эти надежды напрасны, потому что в первый же раз, как мой господин вышел в море, он оставил меня дома исполнять черную работу, какую обычно исполняют рабы.

¹ М а́ в р ы — здесь: североафриканские арабы-мусульмане.

С этого дня я только и думал о побеге. Но бежать было невозможно: я был одинок и бессилён. Среди пленников не было ни одного англичанина, которому я мог бы довериться.

Два года я протомился в плену, не имея ни малейшей надежды спастись. Но на третий год мне все же удалось бежать.

Произошло это так. Мой господин постоянно, раз или два в неделю, брал корабельную шлюпку и выходил на взморье ловить рыбу. В каждую такую поездку он брал с собой меня и одного мальчишку, которого звали Ксури. Мы усердно гребли и по мере сил развлекали своего господина. А так как я, кроме того, оказался недурным рыболовом, он иногда посылал нас обоих — меня и этого Ксури — за рыбой под присмотром одного старого мавра, своего дальнего родственника.

Однажды мой хозяин пригласил двух очень важных мавров покататься с ним на его парусной шлюпке. Для этой поездки он заготовил большие запасы еды, которые с вечера отослал к себе в шлюпку. Шлюпка была просторная. Хозяин еще года два назад приказал своему корабельному плотнику устроить в ней небольшую каюту, а в каюте — кладовую для провизии. В эту кладовую я и уложил все запасы.

— Может быть, гости захотят поохотиться, — сказал мне хозяин. — Возьми на корабле три ружья и снеси их в шлюпку.

Я сделал все, что мне было приказано: вымыл палубу, поднял на мачте флаг и на другой день с утра сидел в шлюпке, поджидая гостей. Вдруг хозяин пришел один и сказал, что его гости не поедут сегодня, так как их задержали дела. Затем он велел нам троим — мне, мальчику Ксури и мавру — идти в нашей шлюпке на взморье за рыбой.

— Мои друзья придут ко мне ужинать, — сказал он, — и потому, как только вы наловите достаточно рыбы, принесите ее сюда.

Вот тут-то снова пробудилась во мне давнишняя мечта о свободе. Теперь у меня было судно, и, как только хозяин ушел, я стал готовиться, но не к рыбной ловле, а к далекому плаванию. Правда, я не знал, куда я направлю свой путь, но всякая дорога хороша — лишь бы уйти из неволи.

— Следовало бы нам захватить какую-нибудь еду для себя, — сказал я мавру. — Не можем же мы есть без спросу провизию, которую хозяин приготовил для гостей.

Старик согласился со мною и вскоре принес большую корзину с сухарями и три кувшина пресной воды.

Я знал, где стоит у хозяина ящик с вином, и, покуда мавр ходил за провизией, я переправил все бутылки на шлюпку и поставил их в кладовую, как будто они были еще раньше припасены для хозяина.

Кроме того, я принес огромный кусок воску (фунтов пятьдесят весом) да прихватил моток пряжи, топор, пилу и молоток. Все это нам очень пригодилось впоследствии, особенно воск, из которого мы делали свечи.

Я придумал еще одну хитрость, и мне опять удалось обмануть простодушного мавра. Его имя было Измаил, поэтому все называли его Моли. Вот я и сказал ему:

— Моли, на судне есть хозяйские охотничьи ружья. Хорошо бы достать немного пороху и несколько зарядов — может быть, нам посчастливится подстрелить себе на обед куликов. Хозяин держит порох и дробь на корабле, я знаю.

— Ладно, — сказал он, — принесу.

И он принес большую кожаную сумку с порохом — фунта полтора весом, а пожалуй, и больше,